

— Воистину, сын мой, если ты не женишься сейчас, ты не женишься никогда!

— Увы, добрейший мой отец, значит, я не женюсь никогда...

— Глупец! Как смеешь ты такое говорить?! Ты — наследник необозримых земель, будущий властелин всего под этим небом, человек, покоряющийся одному лишь Аллаху всемогущему и все милостивому!

— Отец, прошу тебя, умерь свой пыл. Не стоит кричать на меня, да еще при открытых окнах. Тем более что я действительно и наследник, и будущий властелин...

— О, я несчастнейший из отцов! Ну почему Аллах сделал моим наследником строптивного и несговорчивого Шахрияра, а не разумного и послушного Шахземана?

— Увы, добрейший мой отец, Аллах всемогущий не услышал твоей молитвы. Я думаю, что и сейчас он не слышит твоих слов, как бы сильно тебе ни хотелось назвать моего умного брата будущим властителем наших бескрайних земель...

— А брат-то тебе чем не угодил?!

— Отец, во имя любви, которой всегда была так сильна наша семья, прошу, не кричи на меня. Брата своего я люблю и уважаю, ибо он достоин и любви, и уважения. Но я другой. Быть может, я заслуживаю не меньшей любви и не меньшего уважения, чем он. Но... Но ему повезло больше.

— Повезло, сын мой? — Халиф в первый раз с начала разговора заговорил тихо.

— Конечно, отец. Ему очень повезло, ибо он родился младшим сыном, не наследником. Он мог выбирать, что ему делать, чему обучаться, о чем тревожиться. Ему никто и никогда не говорил, что его поведение недостойно будущего правителя и властелина.

— Разве это везение? Он на целых четыре года моложе тебя, и сам Аллах всемогущий не позволил бы ему стать правителем.

— Ах, отец мой, веришь ли ты в то, что говоришь? Тебе ли, мудрому халифу, властителю блистательной Кордовы, не знать, сколь извилисты пути, которыми юноши приходят к власти! Мне же остается благодарить Аллаха всемогущего именно за то, что разум нашей семьи, ее мудрость — мой младший брат Шахземан — никогда не готовился стать правителем. И потому смог и сохранить ясный ум, и во сто крат преумножить знания, какими с ним делились наши наставники. И пусть так будет и впредь: Шахземан, мудрый и спокойный, станет моим первым советником в тот самый миг, когда я взожду на трон.

— Сын мой, ты говоришь не о том...

— Не о том? Отчего же?

— Да оттого, упрямый ты ишак, что властителем блистательной Кордовы не может стать юноша, не обретший семьи! Никогда еще не бывало, чтобы на трон восходил халиф, обремененный заботами и гаремом, но лишенный жены и детей!

— О Аллах великий! Значит, я буду первым.

В покоях повисла тишина. Она была густой и душной, как старый мед. Она убивала остатки сыновней

почтительности и отцовской любви, давила на разум и глушила чувства.

Первым очнулся юноша. Хотя, быть может, его привел в себя крик муэдзина, призывавшего к вечерней молитве.

— Отец, прости меня, недостойного сына. Но от своего не отступлюсь: я женюсь лишь тогда, когда душа моя сделает выбор. Не ты, достойнейший и заботливейший отец, и не толпа свах и советчиков.

Халиф лишь покачал головой.

— Отец, пожалуйста, согласишься со мной. Первый твой внук родится у Шахземана — любящего мужа и почтительного сына. К счастью, вы с моей доброй матушкой, да хранит Аллах долгие годы ее мудрость и кротость, благословили этот брак. Пусть брат мой, а не я, первым даст продолжение нашему роду. Пусть все вокруг считают это недостойным или недальновидным... Но ты, отец, должен понять меня: я хочу лишь одного — любви, похожей на твою. Ибо не могу припомнить женщины лучше, добрее, мудрее и прекраснее, чем моя матушка — твоя любимая жена.

— Ты многого не знаешь, сын мой, — вполголоса проговорил халиф. — Есть тайны, которые не открывают никому, даже собственным детям.

— О нет, отец, мне не нужны тайны! Матушка моя, к счастью, еще не предстала перед Аллахом всемогущим. И ее смех, и ее разумные речи, и то, какими глазами она всегда смотрит на тебя, — все это памятно мне с первых дней моей жизни. И я хочу для себя такой же доли: хочу найти женщину, которая походила бы на нее, мою любимую матушку, пусть и не внешне.

— Я устал от тебя, сын. — Халиф тяжело вздохнул. — Да будет так! Пусть окрестные властители назовут меня глупцом, пусть решат, что я презрел вековые устои... Поступай как знаешь. В конце концов, скоро ты станешь халифом, пусть и неженатым. Мое же дело молчать и не лезть с глупыми старческими советами к молодому и сильному правителю.

Шахрияр со слезами взглянул на отца. Как сильно сдал почтенный Мехмет! Некогда он носил гордое имя «Лев Кордовы» и был мудрым властителем и любящим отцом, заботливым мужем и достойным соперником. Сейчас же совсем седой старик скорее лежал, чем сидел, со всех сторон обложенный подушками.

— Благодарю тебя, мудрейший и справедливейший из отцов.

— Не благодари, глупец! Просто обещай мне, что более ничем ты не дашь повода нашим недругам упрекнуть повелителя великой Кордовы и правителя прекраснейших земель под рукой Аллаха всемогущего и всемилостивого, кроме того, что он холост!

— Я клянусь тебе в этом, отец. Как поклялся когда-то, что женой моей станет лишь та, без которой я не смогу дышать и смотреть на мир.

— Упрямый осел, — прошептал халиф.

Свѣтлокъ нервѣтъ

За год до ссоры

Тишина объяла пышный сад. Двое, держась за руки, беседовали в густой тени старой магнолии. Вокруг не было ни души, но беседовали они столь тихо, что подслушать их могли лишь привидения, которые от скуки уже давно покинули сад у старой университетской колокольни.

— Нет и не будет в целом мире женщины прекрасней и желанней тебя, моя Герсими!

Девушка покраснела и опустила глаза. А Шахземан продолжил:

— Удивительной была наша встреча! Я помню ее так, словно это произошло вчера. И чувствую, что тот миг, когда наши глаза встретились, не забуду до конца дней своих. А потому, свет моей души, позволь назвать тебя своей суженой и просить у твоих благородных родителей согласия на наш брак.

— Но, быть может, сначала стоило бы спросить у меня, согласна ли я быть твоей женой, Шахземан?

Лукавые искорки плясали в глазах девушки, но Шахземан вдруг стал необыкновенно серьезен.

— О мудрейшая, ты права. Ведь я, плененный сладостными мечтами, вовсе не подумал, что ты можешь быть ко мне холодна...

Герсими звонко рассмеялась.

— Глупенький! Я? Холодна к тебе? Неужели ты не чувствуешь, что значишь для меня?

— Чувствую, моя мечта. Чувствую и знаю. Но тогда зачем же мне спрашивать у тебя согласия? Зачем сотрясать воздух, если ответ уже известен?

— Быть может, для того, чтобы я могла признаться тебе, любимый, в своих чувствах. Признаться вслух. Так, чтобы не только ты услышал об этом. Чтобы об этом узнали ветер и солнце, скалы и весь мир вокруг. Чтобы об этом узнал и твой Аллах всемогущий. Ведь он должен это услышать от меня самой.

— Малышка, Аллах потому и всемогущ, что читает в душах человеческих, как в открытой книге.

Герсими улыбнулась.

— Пусть так. Но я все же скажу, что люблю тебя, мой принц, и мечтаю стать твоей женой.

Шахземан наклонился и поцеловал тонкие пальцы своей избранницы.

— Да будет так. Отныне ты моя жена. Но все же, прекраснейшая из дочерей рода человеческого, как же мне встретиться с твоими благородными родителями? Ведь негоже называть девушку своей женой, не спросив их согласия.

— Они будут согласны, любимый, поверь.

— Откуда ты знаешь это, маленькая колдунья?